

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СЕЛА В ЗЕРКАЛЕ СТАТИСТИКИ

Проводится социологический анализ жизни современного села (деревни) с экскурсами в его советское прошлое и в связи с демографической проблемой депопуляции населения постсоветской России. Делается вывод о пагубном характере проводящихся рыночных «реформ» для сельского хозяйства, предлагается система комплексных мер по выведению села из затяжного кризиса.

Ключевые слова:

воспроизводство сельского населения, деревня, диспаритет цен, кризисное состояние сельского хозяйства, либерально-рыночные реформы, продовольственная безопасность, село.

Русская деревня прошла долгий и мучительный путь своего развития. Вряд ли справедливо наметившаяся за последние время некоторая идеализация дореволюционной деревни. Многие исследователи начала 80-х – 90-х гг. XIX в. указывали, что более жалкого существования, чем у русских крестьян, трудно себе представить, а они составляли около 80% населения России. По переписи 1897 г. на 125,6 млн жителей России грамотных было 21,1% населения, иначе говоря, стомиллионная масса не умела читать и писать.

История советской деревни – это череда непрерывных экспериментов, реформ, которые проводились с благими намерениями, но не всегда давали положительный эффект.

Многие справедливо критикуют процесс насильственной коллективизации, когда наряду с ликвидацией кулачества как класса зачастую насилие применялось и по отношению к среднему крестьянству; когда вопреки ленинскому кооперативному плану нарушался принцип добровольного, осознанного вступления крестьян в коммуну, товарищество, колхоз и другие формы кооперации. Коллективизация 30-х г. XX в. проводилась, по мнению В.И. Старовойта, не большевистскими, а «троцкистскими» методами, более того, преимущественно троцкистами в сталинской администрации [13, с. 49].

Для понимания многих проблем воспроизводства сельского населения целесообразно, на наш взгляд, выделить три основных типа поселений: малые (до 100 человек) – 64,4%, средние (от 101 до 1000 человек) – 30,4% и крупные (от 1001 до 5001 и более) – 5,2%. Величина сельского поселения – влиятельный фактор, определяющий образ жизни и социальные возможности его жителей. Малую деревню (а это, как видно, две трети сельских поселений) характери-

зует высокая степень межличностного взаимодействия и информированности друг о друге. У большинства средних и особенно крупных населённых пунктов гораздо богаче, разнообразнее производственно-трудовая сфера и более развита социальная инфраструктура. По этой причине здесь больше возможностей для выбора различных видов деятельности, а также для удовлетворения потребностей в образовании и медицинском обслуживании, культурном досуге.

Либерально-рыночные реформы, проведённые в 1990-е гг. без учёта исторических, национальных и природно-климатических особенностей, привели к резкому ухудшению условий и уровня жизни населения, вызвали в аграрном секторе экономики и на селе в целом глубокий и затяжной кризис, поразивший практически все стороны жизни сельчан. На пороге «пути в рынок» крестьяне, как и большинство жителей села, в результате «шоковой терапии», «либерализации цен» и обвального девальвации рубля оказались без денежных сбережений, без поддержки государства и в большой зависимости от руководителей. Трагедия с пожарами в России летом 2010 г. объясняется не только и не столько климатическими условиями, а прежде всего, как принято теперь говорить, человеческим фактором: потерей стратегического управления отраслями народного хозяйства, ликвидацией государственной системы лесной охраны, снижением уровня противопожарной безопасности, требовательности и ответственности со стороны органов власти. «Мы брошены на произвол судьбы. Село просто разваливается», – такова была суть выступлений участников Вологодского областного крестьянского схода еще в августе 1994 г. [10, с. 467]. Не лучше было положение в других регионах. К сожалению, кризисное состояние на селе сохраняется и поныне.

В России «утрачена продовольственная безопасность, сельское хозяйство откатилось в своем развитии на 100 лет назад как по объему производства, так и по качеству жизни сельского населения» [12, с. 1].

В сельских поселениях проживало, по состоянию на 2009 г., 38,2 млн человек или 27% общей численности населения России. При этом непосредственно в сельском хозяйстве (включая охоту и лесное хозяйство) было занято около 6,7 млн жителей, что составляет всего 17,5% сельского населения [9, с.81, 94]. Как показано в публикациях, за 1997–2007 гг. сельчан стало на 3 млн меньше. Основная причина – превышение смертности над рождаемостью. Но поскольку такими же темпами сокращалось число горожан, то доля сельских жителей в составе населения страны осталась такой же, какой она была 20 лет назад [4, с. 86–87].

Село как социально-территориальная подсистема общества вступила в стадию системной деградации. Суть этого тревожного для России процесса характеризуется следующими тенденциями: утратой естественно-природной окултуренности, одичанием значительных сельских пространств. Сельское хозяйство России за время реформ понесло наибольшие потери. Приведем некоторые данные.

За период 1990–2006 гг. вся посевная площадь сократилась на 34%. Огромные площади (до 40%) подвергаются водной и ветровой эрозии. До 85% сельхозземель деградируют, истощаются сорняками [12, с. 2]. поголовье крупного рогатого скота сократилось в 2,6 раза, в т. ч. коров – в 2,2 раза, производство отечественных тракторов сократилось в 15 раз, комбайнов – в 10 раз [6, с. 2]. Нынешний объем техники явно недостаточен для обеспечения технологического цикла обработки земли и уборки урожая. В 2006 г. было внесено минеральных удобрений в расчете на 1 га в 3,2 раз меньше, чем в 1990 г., а органических – в 4 раза меньше. Удобрение – это главный фактор повышения урожайности сельскохозяйственных культур. В то же время, несмотря на острый дефицит внутри страны, из России за рубеж вывозится более чем 90% минеральных удобрений. А между тем, по данным более ранних изданий Российского статистического ежегодника, валовой сбор зерна сократился со 116,7 млн т в 1990 г. до 47,9 в 1998 г. (в 2,4 раза) и до 67 – в 2003 г.

2010 г. был наиболее сложным для сельского хозяйства России за все пореформенные годы. Вследствие небывалой засухи погибло 30% посевов зерновых, пострадало более 24 тыс. хозяйств, убытки исчисляются

в более чем 40 млрд руб. В 2010 г. собрано примерно 59 млн т зерна [6, с. 1]. Засуха отчетливо показала недооценку со стороны государства сельского хозяйства, учитывающая специфику климатических условий России, где 70% территории – зона рискованного земледелия [5, с. 5]. Последствия засухи могли быть катастрофическими для населения. В этих условиях правительством России был принят ряд неотложных мер, которые смягчили обстановку, по крайней мере, на какое-то время: выделение бюджетных кредитов, субсидии на покрытие прямого ущерба, пролонгирование краткосрочных и инвестиционных кредитов, установление льготных железнодорожных тарифов на перевозку зерна и продуктов его переработки, временный запрет продажи зерна другим странам и др.

Немаловажной причиной кризисного состояния сельского хозяйства является неудовлетворительное функционирование системы сбыта сельхозпродукции. По данным статистики, только 28% сельскохозяйственных предприятий и 22% фермерских хозяйств имеют гарантированный выход на рынок. Вместо цивилизованного рынка с четкой инфраструктурой мы получили стихийный рынок с теневой, криминальной экономикой. В результате сегодня в аграрной экономике производится всего лишь 4,4% и в пищевой промышленности – 4,5% валового продукта страны. Разрушено почти 80% колхозов и совхозов. Недооценка развития сельскохозяйственного производства привела к печальным результатам: сегодня на душу населения производится всего лишь 12 кг говядины, 15 кг свинины и около 18 кг мяса птицы [6, с. 2].

Еще одна причина – сокращение государственной поддержки сельского хозяйства, которая уменьшилась с 12–25% огромного государственного бюджета СССР до 1,2% расходной части в бюджете России на 2008 и последующие годы. В Западной Европе государства на поддержку своего сельского хозяйства выделяют в среднем 300 долл. на гектар, в Японии – 473, в США – 324, в Канаде – 188. В ряде бывших союзных республик из бюджета государства также выделяется немало средств на поддержку отечественного сельскохозяйственного производства: в Белоруссии – 20%, т.е. как и в советские времена, в Казахстане – 18%, на не очень богатой Украине – 10%. [6, с. 2]. В России государственная поддержка села составляет всего лишь около 13 долл. на гектар, и не потому, что у государства нет денег. Правительство располагает сотнями миллиардов долларов золотовалютных запасов и

несколькими триллионами рублей, законсервированными в госфондах. При такой политике вступление России в ВТО, считает академик РАНХН В.И. Кашин, «грозит нашему селу окончательным разорением. Цена вступления в ВТО – дальнейшее двукратное снижение государственной поддержки нашего сельского хозяйства и ликвидации экспортных субсидий» [6, с. 2]. Реальность такова: Россией утрачена продовольственная безопасность, ежегодно в страну завозится импортного продовольствия на 35–40 млрд долл. [12, с. 2].

Продовольственная безопасность России может быть обеспечена лишь в том случае, если ее гарантом выступает закон. Законодательная база, гарантирующая продовольственную безопасность, должна состоять не менее чем из 30 законов. Фактически в настоящее время такого пакета нет. 30 января 2010 г. президентом Д. Медведевым подписан Указ «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности РФ». Согласно этому документу, в обозримом будущем собственного зерна мы должны потреблять не менее 95%; сахара – не менее 80%; мяса и мясопродуктов – не менее 85%; молока и молокопродуктов – не менее 90%; рыбной продукции – не менее 80%; картофеля – не менее 95%; соли пищевой – не менее 85%. Всего из федерального бюджета предполагается выделить АПК 107,6 млрд руб., из них 79,3 млрд – на субсидирование процентных ставок по кредитам. На улучшение жилищных условий (в т.ч. молодых семей и молодых специалистов), планируется 4,5 млрд руб., на развитие первичной медико-санитарной помощи – 50 млн в рамках реализации программы «Социальное развитие села до 2012 г.». Достаточно ли этого для восстановления инфраструктуры села, где в два раза уменьшилось число больниц, больничных коек, в шесть раз – домов культуры? Выполнимо ли хотя бы то, что заложено в бюджете, сформированном с дефицитом? По мнению авторитетных социологов, отнюдь нет [16, с. 26].

Опыт последнего десятилетия показывает, что из-за недофинансирования АПК продолжал разрушаться. Необходимо учесть и то, что социальные статьи региональных бюджетов урезаны на 30–50%, а именно на них продолжают перекладываться социальные обязанности государства [16, с. 27]. В 2010 г. Госдумой принят закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» согласно которому с 1 января 2011 г. часть бюджет-

ных организаций будет снята со сметного финансирования. Как в этих условиях будет выживать сельская социальная инфраструктура, трудно себе представлять.

Из села выкачиваются огромные ресурсы, грабя крестьянина за счет ценовой политики и, прежде всего, диспаритета цен, навязанных чаще всего перекупщиками: мизерных цен на продажу молока, мяса, птицы и т.д., недостаточностью сельскохозяйственных рынков. Социальное положение на селе более сложное, чем в городе, заработная плата составляет примерно 50% от средней по стране. Показатель бедности на селе в 1,6 раза выше, чем в городе. Доля сельчан с доходами в 2 и более раз ниже прожиточного минимума, т. е. живущих в нищете почти в 3 раза больше, чем в городе. Общая сельская безработица находится на уровне 18% [6, с. 2].

Продолжается искусственное банкротство сельскохозяйственных предприятий. Лишь около 15 тыс. хозяйств благодаря самоотверженному труду крестьян еще держатся на плаву. Однако с каждым годом им приходится всё труднее. Практически приостановлена работа по финансовому оздоровлению хозяйств, что приводит к разрушению отрасли в целом. На селе безнаказанно орудуют рейдеры, захватывающие сельскохозяйственные угодья при попустительстве местных властей. В руках олигархов, банков, иностранного капитала и просто жуликов уже оказалось около 50% земель сельскохозяйственного назначения. При этом существующее законодательство Российской Федерации не способно остановить перевод их в другие категории, в частности, под строительство коттеджей. За последние 19 лет с лица земли российской исчезли 30 тыс. сельских поселений. Из 117 тыс. сохранившихся деревень в 20 тыс. проживает по 8 и менее человек.

Почти 50% хозяйств АПК всех форм собственности убыточны. Одной из главных причин такого положения является диспаритет цен между сельскохозяйственной продукцией и промышленными товарами. Цены на промышленные товары в годы «реформ» росли в 4–5 раз быстрее, чем на сельскохозяйственную продукцию.

На селе нарастает процесс деградации материальных основ культуры производства и условий труда: происходит деиндустриализация аграрного производства вследствие резкого спада поставок для него сельхозмашин и технических средств. По данным мониторинга Института аграрной социологии, доля работ, выполняемых механизированным способом за 1991–

2007 гг. уменьшилась с 40–50 до 25–28%, с помощью машин и механизмов – с 10–15 до 8–10%, зато резко возросла доля конно-ручных (с 5–7 до 14–19%) и ручных (с 15–20 до 53–58%) работ [4, с. 89]. Некоторые улучшения, наметившиеся за последние годы на немногих сельхозпредприятиях (агрохолдинги и крупные фермерские хозяйства), не смогли сколько-нибудь заметно ослабить общую негативную тенденцию.

Под воздействием рыночных реформ трансформировалась структура занятости сельского населения. Уже в конце 90-х гг. доля тех, кто трудился в общественном аграрном секторе, значительно уступала доле занятых в других формах хозяйствования. В некоторых районах Нечерноземной зоны, к примеру, она сократилась до 15–20% против 55% в 1986–1990 гг. При этом занятость в фермерском или семейном хозяйстве увеличилась лишь на 5–22%. Отчасти это компенсировалось ростом занятости во внеаграрной сфере.

Обследования, проведенные в 2004 и 2006 гг. Федеральной службой государственной статистики, выявили снижение уровня занятости сельского населения в трудоспособном возрасте. Отмечены рост доли людей пенсионного возраста, почти полмиллиона лиц и несколько миллионов предпенсионного возраста, известная стагнация доли работников зрелых возрастов и – самое тревожное – уменьшение в структуре занятого сельского населения молодежи [7, с. 165]. Ещё в 1988 г. доля молодежи в массе тружеников сельского хозяйства превышала 30%, в 1994 г. – уже 15%, а сейчас и того меньше. Происходящие в сельском хозяйстве процессы формируют у сельской молодежи отрицательные установки, и она предпочитает мигрировать в ближайшие города и посёлки, заниматься там любым делом, но только не сельским хозяйством. Причин тому немало, но главная – та, что из всех отраслей российской экономики самая низкая оплата труда – в сельском хозяйстве. Предельно низок и уровень реальных доходов. По данным опросов Института аграрной социологии, у 78–80% крестьян среднедушевой доход составил 5–27% от величины прожиточного минимума. И хотя в 2001–2007 гг. он несколько вырос, для 4/5 аграриев прожиточный минимум оставался недостижимым [7, с. 91].

В то же время нельзя не отметить, что именно сельское хозяйство имеет самую высокую внутриотраслевую дифференциацию оплаты труда, уступая по этому показателю лишь банковской деятельности. Так, если в 1995 г. среднечисленная

заработная плата у 10% наиболее оплачиваемых работников превышала зарплату 10% наименее оплачиваемых в 23,8 раз, то в 2007 г. – в 24,4 раза. И это притом, что зарплата 2/3 аграрных работников была меньше среднеотраслевого уровня, в т.ч. у трети – вдвое [7, с. 91].

Резкое ухудшение материального положения большинства жителей села вместе с ломкой существовавшей ранее системы социальной защиты и распадом социокультурной среды предельно обострили демографическую ситуацию, порождая такие явления, как депопуляция деревни. За период 1990–2003 гг. продолжительность жизни сельских женщин сократилась с 74 до 71 года, мужчин – с 62 до 57 лет. Показатель рождаемости за тот же период снизился в 1,5 раза, а смертность увеличилась в 1,3 раза [14, с. 66].

В общем контексте социальной трансформации села особое место занимают процессы, происходившие в её социально-классовой структуре. Разгосударствление собственности и её приватизация, разрушение в ходе земельной реформы колхозов и создание акционерных обществ привели к тому, что, с одной стороны, появился класс частных собственников – предпринимателей, в т.ч. в агробизнесе, с другой, – основная масса сельчан обрела новый социальный статус работников наёмного труда. Преобладающая её часть продолжала, как и раньше, владеть приусадебными участками. Колхозное крестьянство в том виде, каким оно было в советский период, прекратило существование. Но в новых рыночных условиях его положение не стало социально более определённым и устойчивым. Как обоснованно заметила корреспондент газеты «Известия» Л. Бутузова, «крестьяне исчезают как класс с той же скоростью, с какой происходят коммерческие налёты на их предприятия» [2, с. 1]. В самом начале реформы большие надежды их инициаторы возлагали на фермерские хозяйства, которые рассматривались как альтернатива совхозам и колхозам и опора рыночно-капиталистических отношений на селе. Реальные результаты оказались довольно скромными. Уже с 1994 г. быстрый рост числа зарегистрированных фермерских хозяйств прекратился, а затем и вовсе возобладала тенденция к сокращению их численности.

Социально проигравшей оказалась сельская интеллигенция, за исключением сравнительно узкого слоя её представителей (руководителей хозяйств, ведущих специалистов и др.), сумевших воспользоваться плодами приватизации. Наиболее

пострадавшая часть – работники культурно-бытовой сферы. Уменьшился приток молодых специалистов из города, а вместе с этим наметилась тенденция к снижению уровня профессионального образования. Из 2 млн специалистов сельского хозяйства только 438 тыс. имели высшее образование [14, с. 66].

Доминирующая тенденция динамики социально-классовой структуры – поляризация сельского социума. С одной стороны, сформировалась немногочисленная, но экономически влиятельная страта предпринимателей, сконцентрировавшая в своих руках значительные материальные и финансовые ресурсы. С другой, – в результате сокращения занятости в общественном секторе хозяйства и падения жизненного уровня появилось огромное число «новых бедных» – вынужденно неполно занятых, утративших прежний социальный статус и неспособных (или нежелающих) приобрести новый. Усиление маргинализации и люмпенизации села – одно из самых тяжелых последствий рыночных реформ.

Острота противоречий сельской сферы сегодня во многих регионах Российской Федерации, особенно в Нечерноземной зоне, такова. *Во-первых*, несоответствие материально-вещного комплекса деревни потребностям полнокровной ее жизни по современным меркам цивилизованности. Оно касается как производственной, так и социальной инфраструктуры российской деревни, материально-технических, природно-экономических и социальных условий труда и быта сельского населения. *Во-вторых*, неготовность или неспособность значительной части сельских тружеников использовать на уровне современных требований уже созданный или создаваемый производственный и социально-культурный потенциал деревни и российского общества в целом. *В-третьих*, явно выраженное нежелание значительной части сельских тружеников активно включаться в систему новых, создаваемых в процессе перехода к рынку экономических, социальных и политических отношений, взять на себя ответственность за судьбу российской деревни, как за свою собственную, отрешиться от психологии социального иждивенчества, сформировавшегося в результате отчуждения их от земли и результатов собственного труда; бесцельного, безответственного, грубого экспериментирования над ними как в прошлом, так и в последние десятилетия капиталистического реформирования.

Потери, понесённые российской деревней в ходе реформ, могли быть ещё более

значительными, если бы не прошлый опыт выживания в экстремальных условиях, будь-то социальные катаклизмы или разрушительная природная стихия. На протяжении веков, в т.ч. и в советский период, у сельских жителей, особенно у крестьян, выработались приспособляемость к трудностям жизни, терпение. Выявились и два важных преимущества. Во-первых, жители традиционно были заняты в жизненно необходимой для общества сельскохозяйственной отрасли. Во-вторых, сельское население имело (и имеет) больше возможностей к самосохранению благодаря личному подсобному хозяйству, которое превратилось в основной источник доходов. Без учета подсобного хозяйства за чертой бедности оказываются 52% сельских жителей [7, с. 165].

Изучение в этих условиях сельской общности как субъекта социальной жизни и подсистемы общества становится насущной задачей сельской теоретической и прикладной социологии. Сохраняет свою актуальность и такая важная задача как социологическое обоснование перспектив расселения, создание благоприятных социально-инфраструктурных условий. На наш взгляд, село как производственное, экономическое, социально-территориальное явление не исчезнет и не ликвидируется, ибо «вечным» является его суть – сельское хозяйство, главная функция которого – удовлетворение первичных потребностей людей, общества. Строить современное село надо так, чтобы с ростом бытовых удобств не подрывались корни, питающие любовь и привязанность человека к земле. Однако рынок, чем дальше, тем больше устраняет из жизни нравственно-эмоциональные узы, ставя на их место материальную выгоду. В сознании сельского населения, как показывают социологические исследования, рождается и крепнет понимание коренной противоположности экономических и других интересов города и деревни. Как следствие, в российском обществе во взаимоотношении «город – село» медленно, но неотвратимо формируются две культуры, общие по языку, но чуждые по ментальности, интересам и историческим перспективам. Это – самое разрушительное следствие проводимой ныне «дикий» капитализации российского общества вообще и российской деревни, в частности [7, с. 424].

Современные социологи отмечают тот факт, что «ломка» многовековых традиций, насилие над культурой ведёт к духовному обнищанию и города, и деревни [1, с. 103].

Как справедливо отмечают исследователи, «образ жизни сельского населения стал более патриархальным – снизилась

мобильность, потребление услуг, возросла роль натурального обеспечения продуктами, укрепились трудовые семейные связи при обработке приусадебных участков» [7, с. 166]. Основываясь на анализе ряда проблем современного села и принимая во внимание прошлый опыт, социолог А.А. Хагуров приходит к выводу о том, что современное «сельское хозяйство представляет собой самый нерыночный сегмент национальной экономики. Его особенности в полной мере никогда не удавалось описать классической рыночной экономике. Аграрная экономика всегда была социально ориентированной, а социология села опиралась на экономическую социологию села» [15, с. 98]. Это значит, что применение рыночных механизмов как стихийного регулятора в этой отрасли хозяйствования имеет свои ограничения и пределы.

Министр сельского хозяйства А.В. Гордеев, выступая в Совете Федерации РФ в октябре 2008 г., отметил и некоторые позитивные процессы в аграрном секторе экономики России. По его словам, за последние годы значительно увеличился валовой объем продукции сельского хозяйства. 10 лет тому назад 88% предприятий отрасли были убыточными, а абсолютная сумма убытков приближалась к 40 млрд руб., в 2007 г. 75% предприятий стали рентабельными, прибыль составила 101 млрд руб. Принят закон «О развитии сельского хозяйства» и

«Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на период до 2012 года» [8]. Программа предусматривает решение ряда неотложных социальных проблем российской деревни за счёт увеличения финансовых расходов и обеспечения устойчивого развития сельских территорий.

Возрождение современного российского села возможно только при комплексном подходе, включающем в себя решение целого ряда крупномасштабных и неотложных задач: выделение необходимых финансовых средств если не на уровне стран Евросоюза, то не менее 15% расходной части годового Федерального бюджета страны; обеспечение ценового паритета на продукцию сельского хозяйства и промышленности; диверсификация сельской экономики и решение проблем занятости; развёртывание индивидуального жилищного строительства и создание развитой социальной инфраструктуры; ежегодное выделение не менее 4% расходной части бюджета на восстановление и строительство объектов социальной сферы села; коренное улучшение социально-демографической ситуации и повышение престижа сельскохозяйственного труда. Ключевое значение имеет сохранение и качественный рост трудовых ресурсов, включая повышение квалификации кадров и подготовку специалистов.

Список литературы:

- [1] Акчурин Б. Г. Духовное здоровье сельского населения Башкортостана // Социс. – 2001, № 12. – С.103–107.
- [2] Бутузова Л. Кто «раскулачивает» фермеров // Известия. – 2009, № 17, 3 февраля. – С. 1.
- [3] Воронцов А.В. Культурная жизнь современного села. – Л., 1982. – 176 с.
- [4] Долгушкин Н. К., Новиков В. Г., Староверов В. В. Проблемность современного сельского бытия и пути его оздоровления // Социс. – 2009, №2. – С. 86–94.
- [5] Золотая осень после жаркого лета // Известия. – 2010, 1–3 октября. – С. 5.
- [6] Кашин В.И. Спасение села – залог экономического и духовного возрождения России // Экономическая философская газета. – 2010, № 42–43, октябрь. – С. 2.
- [7] Многоукладная аграрная экономика и российская деревня: (середина 80-х – 90-е годы XX столетия) / Под ред. Е.С. Строева. – М., 2001. – 622 с.
- [8] О состоянии продовольственной безопасности Российской Федерации и мерах по ее обеспечению. Тезисы выступления А.В.Гордеева в Совете РФ 27 октября 2008 г. – Интернет-ресурс. Режим доступа: [www://newsru.com/russia/27oct2008/minselhoz.htm](http://newsru.com/russia/27oct2008/minselhoz.htm)
- [9] Россия в цифрах. 2009 / Крат. стат. сб. – М.: Росстат, 2009.
- [10] Россия накануне XXI века: Вып.2. – М., 1995.
- [11] Социальная структура и социальные процессы. – М, 1990.
- [12] Спасение села – залог экономического и духовного возрождения России // Правда. – 2010, 26–27 октября. – С. 1; 2010, 28 октября. – С. 2.
- [13] Староверов В.И. Социология деревни: объект, предмет, задачи // Социологические исследования. – 1981, № 4. – С. 43–53.
- [14] Староверов В.И. Результаты либеральной модернизации российской деревни // Социологические исследования. – 2004, № 12. – С. 64–73.
- [15] Хагуров А.А. Некоторые методологические аспекты исследования российского села // Социологические исследования. – 2009, № 2. – С. 95–101.
- [16] Широкалова Г.С., Дерябина О.Н. Специалисты для села и село для специалистов. // Социологические исследования. – 2010, № 9 (317). – С. 26–39.